

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ
НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТОЛОГИИ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
НАУКА**

2000 - 3

**ВЫБОРЫ
В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВАХ**

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Москва 2000

Ю.Г.КОРГУНЮК

**ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ И СТАНОВЛЕНИЕ
ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РФ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА**

**1. Многопартийность или партийная система?
Основные точки зрения**

В современной отечественной литературе сложились две основные точки зрения на состояние и перспективы развития партийной системы в посткоммунистической России. В наиболее последовательном виде они, на наш взгляд, изложены в монографии Григория Голосова "Партийные системы России и стран Восточной Европы"* (12) и в книге Юрия Коргунюка "Современная российская многопартийность" (14).

Первая концепция основывается на том, что "любое голосование, исход которого существенно структурируется партийной принадлежностью избранных лиц, создает партийную систему" (12, с.10). Другими словами, о существовании партийной системы имеет смысл говорить, начиная с того момента, когда партии приобретают ведущую роль в формировании политического лица хотя бы одной из ветвей власти - в нашем случае, парламента. В соответствии с этим положением, датой рождения партийной системы в современной России называется 12 декабря 1993 г. - день, когда была избрана Государственная дума первого созыва, основную

* Эта позиция в основных чертах разделяется также В.Гельманом (5; 6), Н.Яргомской (11; 21) и др.

часть депутатского корпуса которой составили представители различных общественно-политических объединений (12, с. 10).

Слабым местом данной концепции следует признать то, что она абстрагируется от вопроса, насколько искусственным или, наоборот, естественным способом было обеспечено столь существенное присутствие в парламенте представителей политических партий. Тем более что сам Г.Голосов не отрицает того факта, что решающую роль здесь сыграли особенности избирательного закона - именно благодаря последнему половина депутатского корпуса Госдумы избирается по пропорциональной системе, т.е. по партийным спискам. При этом автор прямо указывает на опыт некоторых бывших советских республик, где сохранение в нетронутом виде мажоритарной системы "блокирует развитие партийных систем" (12, с.92). Фактически Г.Голосов признает, что, будь в РФ сохранена прежняя избирательная система, представительство партий в парламенте оказалось бы отнюдь не таким серьезным. Впрочем, это видно уже из анализа партийной принадлежности депутатов Госдумы, избравшихся в 1993-1999 гг. по одномандатным округам, - значительная их часть, если не большинство, баллотировалась в качестве независимых кандидатов. В отношении выборов 1993 г. это, в частности, отмечено и самим Г. Голосовым (10, с. 131).

Однако более серьезным недостатком данной концепции является то, что она не позволяет выстроить качественную модель существующей в России партийной системы, коли уж признано, что таковая существует. Недаром Г.Голосов при ее описании ограничивается исключительно количественными характеристиками, такими, как коэффициент фрагментации (N - показывающий, сколько партий определяют политическое лицо парламента) и коэффициент неустойчивости (V - отражающий, насколько обновился состав основных участников выборов). Да и те настолько высоки (N в 1993 г. составил 8,3, а в 1995 г. - 11,1 при V, равном 51,7%) (12, с. 100), что впору задаться вопросом: а есть ли какая-то систематичность в рассматриваемой системе? Не проще ли признать, что партийная система в России находится еще в процессе

* Тем более что парламентские выборы 1999 г. если несколько и уменьшили коэффициент фрагментации, то коэффициент неустойчивости оставили практически без изменения.

становления, и ее основные участники пока не сформировались - отсюда такая раздробленность картины, отсюда такое мельтешение участников?

Автор данной статьи и второй концепции, напротив, исходит из необходимости, прежде всего, качественно охарактеризовать ту или иную партийную систему и лишь затем переходить к исследованию ее количественных параметров. Стержнем любой партийной системы предлагается считать механизм, в рамках которого правящая партия и оппозиция периодически меняются местами (14, с.29-30). Таким образом, при решении вопроса о "формате партийной системе" (т.е. о том, "сколькипартийная" система существует в той или иной стране) основное внимание следует уделять не тому, сколько партий имеют реальные шансы пройти в парламент (как это предлагает Г.Голосов), а тому, сколько из них способны претендовать на роль правящей партии. Соответственно, и о двухпартийной системе предлагается говорить не только тогда, когда за места в парламенте борются фактически две партии - это, как признает Г.Голосов, действительно, достаточно редкий случай (12, с.98), - но и тогда, когда в реальной политической борьбе участвуют "третьи" партии, не имеющие, однако, шансов стать правящими. Классифицировать же различные партийные системы предлагается в первую очередь по качественным признакам: достаточно ли велика "третья" партия, чтобы ее приглашали в правящие коалиции; противостоит ли правящей партии единая организация или коалиция более мелких; является ли сама правящая партия единой организацией или это тоже всего лишь коалиция; насколько часто правящая партия (или коалиция) меняется местами с оппозицией и т.п. Существование в той или иной стране партийной системы, согласно данной концепции, следует отсчитывать с момента, когда партии начинают определять политическое лицо не только парламента, но и исполнительной власти, т.е. с момента появления правящей партии. До этого же имеет смысл говорить только о той или иной степени развития многопартийности - благо функции партий не ограничиваются формированием государственной политики (статус правящих удается получить единицам, да и то не всегда), есть у них и масса других задач. Что касается собственно российской ситуации, то, поскольку в РФ до сих пор нет правящей партии, о наличии в стране партийной системы говорить пока рано. Речь может идти лишь о ее постепенном становлении (14, с.32).

Казалось бы, если отвлечься от терминологических тонкостей, Г.Голосов и Ю.Коргунюк говорят об одном и том же, только разными словами. То, что в первой работе представлено как неразвитая, сильно фрагментированная и неустойчивая партийная система, во второй работе определяется как многопартийность, не дозревшая до уровня партийной системы или как становящаяся партийная система. Однако в данном случае имеют место разные подходы к определению границ самого предмета исследования. По сути дела, краеугольным камнем концепции Г.Голосова является положение, что партийная система формируется исключительно голосованием избирателей, тогда как Ю.Коргунюк не менее важное значение придает вопросам формирования парламентского большинства и характеру взаимоотношений между исполнительной и представительной ветвями власти уже в процессе функционирования самого парламента, а также различным аспектам внепарламентской (в том числе и допарламентской) деятельности политических партий.

По-разному объясняется и недостаточная развитость партийной системы (Г.Голосов) или многопартийности (Ю.Коргунюк).

Начнем с книги Г.Голосова. Недоразвитость российской партийной системы, на его взгляд, "вовсе не была предрешена" (12, с. 126). Анализируя различные факторы, повлиявшие на итоговый результат, - "авторитарное наследие", особенности "конституционного дизайна", последовательность предпринятых элитами стратегических шагов, - Г.Голосов отдает явное предпочтение ситуационному подходу. В его интерпретации история российской многопартийности предстает как цепь неудачных шагов и досадных промахов. Прежде всего, считает он, крайне негативную роль сыграл отказ российских властей от проведения "учредительных выборов" в момент смены режима или сразу после него (12, с. 45, 62, 126-127). В результате стимулы к членству в новых партиях были подорваны до такой степени, что "массовая политическая мобилизация 1989-1991 гг. прошла почти впустую с точки зрения генезиса организационных предпосылок партийной системы в России", и к моменту выборов в Госдуму первого созыва (декабрь 1993 г.) "ни одна из идеологических альтернатив ...не располагала адекватным "организационным носителем"" (12, с.50). Не способствовал эффективному развитию партийной системы, по мнению Г.Голосова, и установленный в 1993 г. "конституционный дизайн" – режим

президентско-парламентской республики, а также определенным образом сложившаяся последовательность парламентских и президентских выборов(12,с.83,92,127).

Стремление автора "восстановить в своих правах собственно политическое измерение процесса" и акцентировать внимание непосредственно на демократическом строительстве - "как этот процесс протекает в политической действительности" (12, с. 128), можно только приветствовать. Однако нельзя не отметить и того, что объяснение сути событий из их хода в методологическом плане весьма уязвимо, поскольку оставляет непроясненными массу вопросов. Как могло получиться, что смена режима произошла вообще без выборов? Почему появившиеся к тому времени партии оказались настолько слабы, что не смогли дожить до следующих выборов? Дать ответ на эти (и некоторые другие) вопросы, оставаясь в рамках "собственно политического измерения", невозможно. Чтобы понять, почему в одних случаях становление партийных систем происходит быстро и эффективно, а в других медленно и болезненно, необходимо, по нашему мнению, попытаться установить корреляцию между политическими и социальными процессами, состоянием политических институтов и состоянием общества. Однако Г.Голосов считает, что в посткоммунистических странах бессмысленно искать связь между состоянием партийных систем и так называемыми "социальными расколами" (cleavage), наблюдаемыми в голосовании избирателей. Он видит в этом "рудимент социологического редукционизма" (12, с.95). По его мнению, "социологический подход" был сформулирован "для обществ с устоявшимися, хорошо изученными социальными структурами, а также с предсказуемыми связями между социальным положением индивида и его политическими установками" (12, с.94). В посткоммунистическом же мире, полагает Г.Голосов, "ничего подобного не наблюдается". Здесь, в частности, при анализе электорального поведения не обнаруживается "раскола" между собственниками и рабочими, зато налицо "разница между избирательскими предпочтениями городского и сельского населения", а в некоторых странах - "расколы" по религиозному и этническому признакам. Главное же, считает автор, "ни один из этих факторов не "работает" в широкой кросснациональной перспективе" (12,с.94-95).

Опасностей, связанных с излишним увлечением редукционизмом, конечно же, не стоит преуменьшать, но в борьбе с ними вряд ли следует переходить ту грань, за которой вместе с водой выплескивается и ребенок. Невозможность выделения "кросснационально работающих" факторов свидетельствует, по нашему мнению, только о том, что сравниваемые страны находятся на разных уровнях социального развития.

Абстрактный подход к анализу социальных закономерностей, понимание их как чего-то заданного раз и навсегда порою приводят Г.Голосова к весьма странным выводам. Так, обнаружив при анализе итогов выборов в Госдуму по одномандатным округам (1993-1995) корреляцию между "плотностью социальных сетей" и голосованием за местных начальников, баллотировавшихся в качестве независимых кандидатов, он резюмирует, что в конкретных российских условиях гражданское общество отнюдь не во всем способствует "строительству демократических институтов" в целом и формированию политических партий в частности (10, с. 146-148). Причем, по мнению Г.Голосова, ответственность за это следует возложить на "ущербный с точки зрения демократического строительства конституционный выбор", не позволивший "социальным сетям" "институционализироваться, послужить основой для формирования политических партий" (10, с. 147). Но такой вывод можно сделать только при условии включения в понятие гражданского общества любой формы социальной организации. Структуры гражданского общества — это объединения именно граждан, т.е. свободных, самостоятельно стоящих на ногах людей, сознательно и добровольно вступающих в союз друг с другом для активного отстаивания своих интересов, причем отстаивания их на сугубо правовой основе, т.е. на основе уважения законных прав других людей. Родовые или патронально-клиентельные "социальные сети" под это определение не попадают изначально (в противном случае к структурам гражданского общества, чего доброго, окажется возможным отнести чеченские тейпы и мафиозные кланы). Голосованию в одномандатных округах за местных начальников, так же как и за представителей КППРФ и АПР, являющихся в своем большинстве такими же начальниками - бывшими или действующими, соответствует плотность именно патронально-клиентельных, а отнюдь не гражданских связей. Это, впрочем, признает и сам Г.Голосов, когда констатирует: "Зависимые от

внешней поддержки избиратели голосуют за независимых местных начальников" (10, с. 148). Непонятно только, как это может опровергать тезис о том, что партийная система может быть создана только на основе развитых структур гражданского общества. Патронально-клиентельные "социальные сети" к последним не имеют никакого отношения, поэтому и основой для формирования настоящих политических партий служить не могут.

Наконец, нельзя не отметить, что ограничение Г.Голосовым предмета исследования периодами избирательных кампаний приводит к тому, что "социологический подход" сводится к анализу поведения избирателей, а за скобками остается, в частности, тема формирования социальной базы тех или иных партий на этапе их организационного становления, на этапе мобилизации ими активных сторонников. А ведь "раскол", причем в гораздо более явной форме, возникает уже тогда. Дифференциации избирателей предшествует дифференциация политических элит, и за предпочтением или отрицанием той или иной идеологии, как правило, стоят разные типы социального мировоззрения. Между тем, если применить "социологический подход" к анализу некоторых рассматриваемых в его книге ситуаций, несомненно, удалось бы получить более четкие ответы на некоторые из поставленных вопросов.

Например, пытаясь объяснить, почему Социалистическая партия трудящихся и Российская коммунистическая рабочая партия проиграли Компартии РФ борьбу за "наследие КПСС", Г.Голосов не выходит за рамки анализа соотношения в рядах этих организаций так называемых "верующих", руководствующихся "коллективными" стимулами, и прагматиков, руководствующихся стимулами "селективными". КПРФ, по его мнению, победила потому, что сумела соединить относительную ортодоксальность доктрины с прагматичностью политической тактики. В позиции же СПТ, считает он, не хватало ортодоксальности, в то время как РКРП была слишком радикальна и воинственна по отношению к режиму, чем отталкивала от себя тех, кто шел в политику, руководствуясь "селективными", т.е. прагматическими соображениями (12, с.62).

При всей небезосновательности изложенных аргументов, не стоит все-таки забывать, что ортодоксальность официальной доктрины КПРФ весьма и весьма относительна, если не сказать - сомнительна. Что же касается воинствующей оппозиционности режиму, то рядовые члены КПРФ в этом смысле ничуть не

отличаются от активистов РКРП. Во всяком случае, вопреки утверждению Г.Голосова, "представители старших возрастных когорт", составляющие большинство как в КПРФ, так и в РКРП, еще как склонны к "неконвенциональным формам политического участия" (12, с.62), т.е. к участию в митингах и демонстрациях. Собственно, "старшие когорты" в них в основном и участвуют - независимо от того, к какой из компартий принадлежат. Так что искать разницу между членами СПТ, КПРФ и РКРП по таким пунктам, как степень ортодоксальности и оппозиционности, если и можно, то со значительными оговорками.

Однако все встает на свои места, если посмотреть на социальный состав каждой из вышеуказанных партий. Подавляющее большинство членов КПРФ в 70-80-е годы принадлежали к мейнстриму КПССовского партчиновничества, пусть и не к самым высшим его звеньям. Именно годы брежневского застоя остались в их памяти как "золотой век", именно их они пытаются вернуть. В отличие от сторонников КПРФ, активисты РКРП уже в 70-80-е годы были вытеснены на обочину партаппаратной жизни. Они, по сути, уже тогда были в значительной степени люмпенизированы, их мировосприятию свойственны такие люмпенские черты, как агрессивная ксенофобия, антисемитизм, поиск врагов, ответственных за их невысокий социальный статус, зависть и ненависть к социально благополучным согражданам. "Золотой век" для них поэтому - не годы застоя, а романтизированная сталинская эпоха, которую они не без оснований считают временем расцвета для партийных активистов их социального и культурного уровня. Наконец, сторонники СПТ — это, как правило, представители партийной интеллигенции, лояльной не столько к руководству КПСС, сколько к идеалам социализма. (Достаточно вспомнить, что одним из отцов-основателей Соцпартии трудящихся был историк Рой Медведев, слышавший в годы застоя почти диссидентом.) В их понимании, "золотой век" - это период ранней перестройки и первых Съездов народных депутатов СССР.

Таким образом, представителям этих трех социальных типов в самом деле трудно ужиться в одной партии, но отнюдь не из-за доктринальных и тактических разногласий - таковых немало и внутри каждой из названных организаций. Важнее то, что по трем партиям разошлись апологеты разных образов жизни. И победа КПРФ в борьбе за статус "партии-преемницы" говорит лишь о том,

какого рода "золотой век" более по душе большинству вчерашних функционеров КПСС, не сумевших найти свое место под новым солнцем.

В работе Ю.Коргунюка вопросам, касающимся социальной базы современной российской многопартийности, придается важное, можно даже сказать, первостепенное значение. Причем акцент делается на выполнении партиями своих представительских функций именно на этапе формирования организационного ядра и мобилизации активных сторонников. Выводы, к которым привело исследование, в общем виде, таковы. В создании политических партий - во всяком случае, в странах, схожих по социальной структуре с современной Россией, - основную роль играют представители четырех классов, или даже скорее элитных групп:

интеллигенции, чиновничества, предпринимателей и, как это ни странно, люмпенов и люмпеноидов (14, с. 18). Относительно последней группы следует уточнить, что под люмпенами Ю.Коргунюк понимает не одни лишь социальные низы. Люмпены в его трактовке - это люди, по той или иной причине не желающие связывать себя обязательствами перед кем бы то ни было (конкретной социальной группой и обществом в целом) и в своем социальном поведении руководствующиеся стремлением к максимально быстрому извлечению выгоды, не стесненные никакими моральными, корпоративными и прочими ограничениями (14, с. 19). Под люмпеноидами же понимаются представители каких-либо конкретных классов и групп, которые выпали из привычной социальной ниши и, стремясь вернуть утраченное положение, ведут себя точно так же, как люмпены, - т.е. вместо того, чтобы измениться самим, требуют, чтобы изменился мир (14, с. 19).

Согласно концепции Ю.Коргунюка, основной причиной неразвитости российской многопартийности и отсутствия в стране партийной системы является безусловное доминирование чиновничества в политической элите. Именно это, по мнению автора, и является главным компонентом "советского наследия", которое "завещано" стране многими десятилетиями однопартийной диктатуры и живучесть которого обусловлена особенностями социальной структуры современного российского общества. По сути, чиновничество не нуждается ни в каких партиях, поскольку и без того является политически организованным. В этом плане вопрос о состоянии современной российской многопартийности переводится

региональными (национальными) чиновничьими кланами. Однако пока дела в стране шли более или менее благополучно, все эти противоречия пребывали в латентном состоянии, почти не прорываясь наружу. К началу 80-х экономика страны вступила в стадию глубокого системного кризиса.

Чтобы сломить сопротивление собственного аппарата, новое руководство КПСС во главе с М.Горбачевым для решения назревших проблем было вынуждено апеллировать к общественной инициативе. Последняя, однако, пробудившись, уподобилась джинну, выпущенному из бутылки. Войдя во вкус политической деятельности, интеллигенция довольно быстро перестала удовлетворяться рамками, заданными ей системой, и перешла к созданию самостоятельных политических организаций. В свою очередь, бюрократическая элита, не будучи готовой к такому развитию событий, оказалась в то же время недостаточно консолидированной, чтобы в новых общественно-политических условиях руководствоваться единой тактикой. В самой КПСС и в ее руководстве все более явным становился раскол на "реформаторов", "консерваторов" и "болото". В ней начали появляться различные неформальные идейные течения. Стремясь преодолеть сопротивление "консерваторов" и успокоить нарастающий ропот "болота", руководство КПСС в поисках поддержки со стороны интеллигенции санкционировало все большее высвобождение общественной инициативы. В итоге к 1989 г. оно дозрело до легитимизации практики альтернативных, т.е. настоящих, выборов.

Выборы народных депутатов СССР проводились в условиях, когда организационные формы, в которые облекалась политическая активность интеллигенции, еще не переросли рамок народных фронтов и разрозненных объединений избирателей. К тому же КПСС постаралась сделать все, чтобы обезопасить себя от неприятных сюрпризов. Выборы депутатов от общественных организаций носили вполне предсказуемый характер (исключением была, пожалуй, только Академия наук СССР). В одномандатных территориальных и национально-территориальных округах, где на выборах впервые за шестьдесят с лишним лет баллотировался не один, а несколько соискателей, за теми или иными кандидатами только в крайне редких случаях стояла какая-либо неформальная группа или клуб избирателей - и то, как правило, в крупных городах. Очень часто никакой реальной альтернативы и не было - кандидату от

партаппарата противостоял такой же партчиновник, но только выдвинутый трудовым коллективом. Так или иначе, избирателю чаще всего приходилось делать выбор наугад. В результате партийному руководству удалось удержать ситуацию под контролем и добиться избрания парламента, который был вполне лоялен режиму. Понято, что в таких условиях выборы народных депутатов СССР, по определению, не могли носить, что называется, "учредительный характер". Тем не менее, свой вклад в становление демократии и института многопартийности внесли и они. В частности, именно на Съезде народных депутатов СССР появились первые парламентские фракции и, прежде всего, - Межрегиональная депутатская группа, в составе которой было много будущих лидеров российских политических партий.

К началу кампании по выборам народных депутатов РСФСР (конец 1989 - начало 1990 г.) общая политическая ситуация в стране существенно изменилась. Если в начале 1989 г. эмансипация общества находилась на стадии создания единичных неформальных групп, то к концу года дело дошло до формирования избирательных объединений общенационального масштаба.

В январе 1990 г. множество местных и межрегиональных организаций учредили предвыборный блок "Демократическая Россия". По своему социальному составу это было типичное интеллигентское образование. Такой же интеллигентской была и проповедуемая им идеология — широкая социальная демократия, причем в специфических советских условиях акцент делался именно на демократической составляющей - хотя бы потому, что собственно социалистические идеалы правящей бюрократией были изрядно дискредитированы. Среди отстаиваемых ценностей, в которых интеллигенция стала усматривать и собственные корпоративные интересы, была защита прав человека и гражданина. В числе этих ценностей были реабилитированы частная инициатива и частная собственность, воспринимаемые как гарантия независимости личности. Другими словами, на рубеже 80-90-х годов идеология советской интеллигенции в основных чертах совпадала с общедемократической, или "основной демократической". Эта идеология представляла собой своего рода общий знаменатель, объединивший либеральную (буржуазную) и социал-демократическую (интеллигентскую) картины мира, общим для которых является "горизонтальный" взгляд на общественное

устройство. Таким образом, интеллигенция вступила в политическое противостояние с бюрократией. При этом она не только отстаивала собственное видение мира, но и оказалась вынуждена взять на себя защиту интересов существующего только в потенции класса предпринимателей - наиболее естественного носителя либеральной идеологии.

Основной силой, оппонировавшей в данной избирательной кампании демократически настроенной интеллигенции, явилась, естественно, правящая бюрократия, объединенная под эгидой КПСС. Ее вступление в открытую политическую борьбу подвергло суровому испытанию официальную социалистическую доктрину. Видные невооруженным глазом противоречия между ее вертикально-иерархическими (государственными) и горизонтально-гуманистическими (социально-демократическими) элементами, между бюрократической практикой и социалистической вывеской оказались весьма удобной мишенью для критики. В таких условиях сохранить лицо можно было, только превратив минусы официальной идеологии в плюсы, т.е. легитимизировав ее этатистскую составляющую и, тем самым, придав доктрине откровенно патерналистский вид. По сути, именно в этом направлении бюрократия инстинктивно и двинулась.

Наконец, "третьей силой" на этих выборах попыталось выступить "державно-патриотическое" течение, оформившееся в феврале 1990 г. в избирательное объединение "Блок общественно-патриотических организаций "За народное согласие"". Социальную базу этого объединения также составила интеллигенция, но особого толка. В отличие от интеллигентского "мейнстрима", придерживающегося демократических взглядов, ее мировоззрению был свойствен отчетливый люмпеноидный душок. Перестройка и связанное с нею пробуждение общественной инициативы принесло "почвеннической" интеллигенции не столько новые возможности, сколько потери и неприятности. В годы застоя она считала себя интеллектуально-нравственной элитой общества, в ходе же демократизации и гласности оказалась оттеснена на обочину общественного процесса. Болезненно восприняв утрату былого социального статуса, интеллигенты-"патриоты" повели себя совсем не по-интеллигентски, а как самые настоящие люмпены. Они ополчились на весь мир и в своей агрессивной критике новых реалий могли дать фору даже самым косным представителям номенклатуры.

В проповедуемой ими идеологии не осталось и следа того, что придавало доктрине "реального социализма" минимально гуманистический и демократический вид, зато апология "державничества", государственного насилия как такового, иерархического принципа общественного устройства, а заодно и откровенная ксенофобия проявились вполне отчетливо. Тем самым все попытки "патриотической" интеллигенции сыграть роль "третьей силы" заранее были обречены на неудачу. Она поставила себя в положение придатка партийной бюрократии и тем самым обрекла на роль "третьего лишнего" в сложившейся расстановке сил. Население страны если и испытывало тоску по патернализму, то по более "мирным" и "очеловеченным" его формам.

Выборы народных депутатов РСФСР принесли вполне ожидаемые результаты. "Патриоты" не смогли провести в парламент ни одного своего представителя, "Демократическая Россия" получила около 300 (из 1068) мест на Съезде народных депутатов РСФСР, партийная бюрократия - около 400. Остальное пришлось на долю депутатского "болота".

Возникает вопрос, могли ли эти выборы при подобной расстановке сил сыграть роль учредительных. Очевидно, что нет. Дело даже не в том, что реальная власть в стране продолжала оставаться у союзных органов (а если еще точнее — у аппарата КПСС). Анализ политической структуры Съезда народных депутатов РСФСР показывает, что предпосылки формирования партийной системы в стране еще не сложились. КПСС, наиболее основательно представленная в депутатском корпусе, по определению, не могла играть роль правящей партии. По сути, она давно уже партией не являлась, а представляла собой государственную структуру, абсолютно не способную к жесткой политической борьбе в условиях сколько-нибудь открытой конкуренции. Чтобы измениться, ей предстояло сначала потерять власть и уж затем, практически с нуля пройти весь путь по восстановлению партийных структур.

Но и противостоявшая КПСС "Демократическая Россия" мало годилась на роль не то что правящей, но и просто партии. В организационном плане это было весьма рыхлое образование, слепленное из порой совершенно разнородных элементов. В парламенте депутаты, избранные при поддержке "ДемРоссии", сразу же разошлись по целому ряду фракций. Члены этих объединений предпочли не концентрировать усилия на создании единой

внепарламентской оргструктуры, а заняться формированием целого спектра партий демократической ориентации. Народные депутаты РСФСР играли ведущую роль в создании всех сколько-нибудь заметных партийных структур того времени - Демократической партии России, Социал-демократической партии РФ, Республиканской партии РФ, Российского христианского демократического движения, Конституционно-демократической партии - Партии народной свободы, Крестьянской партии России, Народной партии России и др. Только осенью 1990 г. эти организации объединились в рамках движения "Демократическая Россия", да и то с большим скрипом. Но что характерно: в целом депутатов, избранных от "ДемРоссии", было около 300, общая же численность фракций, четко обозначивших свою принадлежность к демократическому флангу, не превышала 200, причем лишь незначительное меньшинство из них - 50 человек - являлись членами тех или иных партий*.

Таким образом, на утверждения Г.Голосова о том, что после августа 1991 г. идеологические и организационные предпосылки партийной системы "подверглись эрозии" (12, с. 126-127), можно возразить: а так ли уж значительны были эти предпосылки? Судя по незначительности доли "партийцев" в общем составе депутатского корпуса, даже демократически настроенные депутаты отнюдь не спешили с партийным самоопределением. Если отбросить дежурные разговоры о намерении защищать интересы избирателей своего округа, то главной причиной этого можно считать следующее: основным стимулом, подвигшим их на участие в публичной политике, было весьма прагматическое устремление - устроение собственной карьеры с депутатским статусом в качестве трамплина. В сущности, жизненные установки подавляющего большинства депутатов выдавали в них типичных чиновников - безразлично, успевших себя реализовать в качестве таковых или только мечтающих об этом. Следует отметить, что значительный вклад в селекцию подобного рода депутатов внесли и сами избиратели. Даже при всеобщей усталости от тотальной забюрократизированности советский электорат отдавал предпочтение тем кандидатам, в которых видел не столько выразителей своих интересов, сколько

* Справка информационно-экспертной группы газеты "Панорама" // База данных "ПартАрхив" - <http://www.indem.ru>.

своих защитников, т.е. именно начальников, способных снять с "маленького человека" ответственность за его собственную судьбу.

Таким образом, представители интеллигенции, являвшейся на описываемый момент основной "партииобразующей" силой (все более или менее крупные партии и движения, созданные до августа 1991 г., имели преимущественно интеллигентский характер — со всеми вытекающими отсюда минусами и плюсами), находились на Съезде народных депутатов РСФСР в явном меньшинстве и, естественно, навязать парламенту свои правила игры были не в состоянии. Вместе с тем интеллигенции удалось привлечь на свою сторону значительную часть чиновничества - как потенциального, так и действительного.

Не секрет, что к этому времени немалая часть бюрократии -особенно это касалось представителей ее среднего и, может быть, даже низшего звеньев — была недовольна способами и темпами обновления высших эшелонов власти. Сложившийся еще в те времена, когда основной упор в кадровой политике делался на привлечение в госструктуры безропотных исполнителей из далеко не самой образованной части общества, механизм ротации руководящих кадров - в отсутствие реальных выборов - мало соответствовал устремлениям и жизненным чаяниям нового поколения чиновников. Гарантия, что они никогда не будут выброшены из правящего сословия, была слабым утешением в свете того, что им никогда не удастся перескочить в своей карьере сразу через несколько ступенек.

Интересам этого поколения чиновников уже отнюдь не противоречил перевод значительной части общественного устройства из вертикальной в горизонтальную плоскость, а также создание параллельного, т.е. легального частного сектора экономики, наличие которого сулило неплохие возможности для конвертации должностных полномочий в звонкую монету. Для этой части бюрократии, обильно представленной в составе Съезда народных депутатов РФ, союз с интеллигенцией открывал путь к быстрому овладению властными вершинами. Мало того, в достижении этой цели чиновники оказались способными развить куда большую активность, чем интеллигенты, не слишком привычные к рутинной конкурентной борьбе. Не случайно лидером блока интеллигенции и "новой бюрократии" стал не диссидент-драматург, как в Чехословакии, а бывший секретарь Свердловского обкома и

Московского горкома КПСС, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Борис Ельцин.

Противостояние двух взглядов на устройство общества — бюрократического (вертикального, иерархического) и интеллигентского (горизонтального, гуманистического) — потому и распространилось на весь парламент, что проникло и в глубь чиновничьего сословия, заставив последнее расколоться на две фракции. Причем "новая бюрократия", вступив в союз с интеллигенцией, пользовалась в этом альянсе численным преимуществом, да и вообще перехватила инициативу. Стоит ли удивляться в этом случае, что борьба "коммунистов" и "демократов" приняла форму противостояния не столько различных партий, сколько различных органов власти — союзных и российских.

Конечно, со стороны могло показаться, что силы российской бюрократии, только-только начавшей оформляться, и противостоящего ей союзного чиновничества просто несопоставимы. Однако эпопея с отстранением от власти М.Горбачева и созданием ГКЧП наглядно продемонстрировала всю степень неконкурентоспособности союзного чиновничества, не сумевшего заручиться поддержкой даже собственного аппарата. Российская же бюрократия легко мобилизовала сторонников - в первую очередь из интеллигенции — и, за несколько дней, наголову разгромила противника, прервав его существование в качестве властной инстанции и отряда правящей элиты. Произошел, таким образом, так называемый "навязанный переход" - "случай силового преодоления сопротивления прежнего режима в результате внутриэлитного конфликта" (6, с. 17).

Тезис Г.Голосова о том, что фундамент партийной системы закладывается учредительными выборами и обусловленной ими сменой государственного режима (12, с. 126), как бы априори подразумевает, что решающая роль в этом процессе принадлежит политическим партиям. Но в РСФСР партии не играли такой роли ни при проведении первых соревновательных выборов (1990), ни в процессе смены режима. Поэтому после поражения ГКЧП не могло быть и речи об организации каких бы то ни было "учредительных выборов". К этому не существовало даже формального повода. Народные депутаты РСФСР избирались в 1990 г. сроком на пять лет, и в их планы не входило жертвовать своим статусом ради неких абстрактных соображений. Однако более показательным выглядит

другое - ни одна из более или менее крупных демократических партий не настаивала на проведении подобных выборов. Исключением были только маргинальные организации.

Представителей "новой" бюрократии несправедливо упрекать в том, что они отмахнулись от своих союзников. Напротив, первые месяцы после августа 1991 г. были отмечены обильным притоком представителей интеллигенции в государственный аппарат, сыгравшим для судеб страны, безусловно, положительную роль. Сама по себе бюрократия, даже самая прогрессивная ее часть, вряд ли решилась бы на проведение экономических реформ. Для этого ей не хватало ни компетенции, ни, тем более, способности к самопожертвованию. Интеллигенция, напротив, имела более или менее ясное представление о цели реформ и могла указать пути ее достижения, а кроме того, была готова пожертвовать ради этого своим политическим рейтингом. И, надо сказать, цена, которую интеллигенция за это заплатила, оказалась немалой. Ответственность за неизбежные трудности и ошибки, сопровождавшие проведение реформ, основной своей тяжестью легла именно на нее. Отсюда и резкое сокращение политического влияния интеллигенции, отсюда и стремительно развивавшийся в 1991-1993 гг. кризис интеллигентского по своей социальной сути демократического движения. Инициирование экономических реформ обошлось интеллигенции тем более дорого, что ей при этом фактически не на кого было опереться - буржуазные реформы проводились в условиях отсутствия самой буржуазии. Поддержка со стороны "прогрессивной" бюрократии очень скоро заглохла из-за органической неспособности чиновничества жертвовать ради успеха общего дела именно собою, а не кем-либо другим. Соответственно, и экономические реформы, опиравшиеся на поддержку только быстро терявшей кредит общественного доверия интеллигенции и—в достаточно условной степени — исполнительной власти, стали пробуксовывать. Тем более что оппозиция им формировалась весьма и весьма серьезная.

Съезд народных депутатов, являвшийся, согласно Конституции, высшим органом власти в стране, уже в силу особенностей своей структуры не был готов к выполнению предназначенных ему функций. Чиновничий по своей сути депутатский корпус, получивший после августа 1991 г. обширные полномочия без полагающихся в придачу обязательств и ответственности, в борьбе за удержание своих позиций был готов к

союзу с кем угодно. И поскольку покушающийся на прерогативы Съезда президент проводил непопулярные реформы, то депутатам сам Бог велел блокироваться с его противниками. Подобное поведение, однако, вытесняло народных избранников за ту грань, которая отделяет уважаемых чиновников от откровенных люмпеноидов, смотрящих на мир с эгоцентрической и волонтаристской точки зрения. Люмпенизация основной части депутатского корпуса существенно облегчила президенту борьбу за концентрацию в своих руках государственных полномочий и, в конечном счете, предоставила исполнительной власти возможность насильственного роспуска Съезда народных депутатов РФ и назначения выборов в новый парламент.

Разумеется, основная политическая борьба в 1991-1993 гг. развернулась между двумя отрядами российской бюрократии, один из которых ориентировался на Съезд народных депутатов РФ и вообще систему Советов, а другой - на структуры исполнительной власти, возглавляемой президентом. Идею и, тем более, партийное противостояние служило для этой борьбы лишь фоном. Здесь придется вновь возразить Г.Голосову, утверждающему, что данный период ознаменовался "эрозией" идейных и организационных предпосылок партийной системы (12, с.126): анализ развития многопартийности в указанный промежуток времени выявляет нечто совершенно противоположное. Именно начиная с осени 1991 г. в стране стал складываться полноценный партийно-политический спектр. КПСС исчезла с политической арены как государственная структура, но на ее месте образовался целый ряд организаций, чья внутренняя структура и суть куда больше соответствовали понятию "партия". Социальную базу этих партий составили различные отряды оставшегося не у дел партчиновничества, а их идейное лицо определялось тем или иным течением, возникшим в недрах КПСС еще до августа 1991 г. Так, наиболее интеллигентная и уважаемая часть партийной бюрократии оформила свое членство в консервативно-либеральном Движении демократических реформ, социал-демократической Народной партии "Свободная Россия", социалистической Соцпартии трудящихся, социал-патриотическом Российском общенародном союзе. Люмпеноиды из числа работников низших звеньев аппарата и служителей "коммунистического культа" создали ортодоксально-сталинистскую Всесоюзную коммунистическую партию большевиков и

неосталинистскую Российскую коммунистическую рабочую партию, некоммунистические Российскую партию коммунистов и Союз коммунистов. Наконец, "мейнстрим" партийной бюрократии, так и не нашедшей себе места в новых реалиях, к началу 1993 г. объединился в рядах "воссозданной" Коммунистической партии Российской Федерации - наиболее крупной в постсоветской России политической организации.

Таким образом, следует признать близким к истине вывод С.Радкевича о том, что в начале 90-х годов в стране имел место не общий кризис многопартийности, а "ряд частных кризисов отдельно взятых партий" (18, с.216). Труднее согласиться с данным им объяснением природы этих кризисов. По его мнению, кризис переживали так называемые "классические" партии, существование которых характерно для периода "индустриального общества" и которые отличаются "жесткой организационной структурой и всемогущим бюрократическим аппаратом". На смену "классическим", считает С.Радкевич, "по мере того, как формируются основы постиндустриального, информационного общества", должны прийти "новые партии-движения - с предельно демократическим внутренним устройством и размытыми границами" (18, с.219-220). На самом же деле, если и есть в современной России организация, обладающая полным набором признаков реально действующей политической партии, то это вполне "классическая" КПРФ. Трудно согласиться с тезисом, в соответствии с которым различия в организационном устройстве тех или иных партий имеют прямое отношение только к переходу от "индустриального" к "постиндустриальному" обществу.

В России в 1991-1993 гг. в полосу кризиса вступили именно интеллигентские партии, и причиной этого явилось выполнение ими "программы-минимум" - свержение государственного режима, основанного на монопольном господстве номенклатурной бюрократии. После того как общедемократические задачи были выполнены, в повестке дня возникла необходимость проведения либеральной экономической реформы, в осуществлении которой была заинтересована, прежде всего, буржуазия. Но поскольку последняя на тот момент еще, что называется, не вышла из пеленок, эту задачу также пришлось взять на себя интеллигенции. Причем действовала она, прямо делегируя своих представителей в органы власти, в то время как созданные ею партии оказались не у дел. Эти

партии были рассчитаны на политическое противостояние партийной номенклатуре и ничего другого не умели. Уход с политической арены основного противника демократической интеллигенции обрек созданные ею организации на бездействие, а следовательно, на разложение. Чтобы выжить в новых условиях, эти партии должны были существенно изменить свою социальную базу. Но именно этого они сделать и не смогли. Как справедливо отметил С.Радкевич, анализируя деятельность Демократической партии России и Республиканской партии Российской Федерации, "устойчивого альянса" этих объединений со "стремительно растущими предпринимательскими кругами" не получилось (18, с.216). Правда, причину этого следует искать не столько в недостаточной теоретической подкованности руководства ДПР и РПРФ, как полагает автор (18, с.225), сколько в социальной незрелости российского предпринимательства, не готового еще к отстаиванию своих политических интересов.

Тезис об "эрозии" идейных и организационных предпосылок партийной системы в 1991-1993 гг. представляется необоснованным еще и потому, что именно в этот период существенно расширилась представленность различных партийных образований на Съезде народных депутатов РФ. С "качественной" точки зрения, когда существование партийной системы отсчитывается с момента возникновения правящей партии, все это не сильно продвинуло российскую многопартийность к ее наиболее зрелым формам, однако с точки зрения "количественной", ограничивающейся учетом представленности тех или иных партий в парламенте, прогресс был налицо. Во всяком случае, состав Съезда народных депутатов РФ в 1991-1993 гг. был гораздо более "партийным", нежели в предшествующий период (если, конечно, не брать в расчет КПСС, членами которой в 1990 г. являлось едва ли не 90% всех депутатов).

Возрастание общей численности политических партий, появление новых организаций коммунистического, социалистического, социал-патриотического и прочего толка, увеличение представленности партий в парламенте имело и обратную сторону - очинивчивание российской многопартийности. Она не просто потеряла свойственный ей до августа 1991 г. интеллигентский характер - она стала по преимуществу чиновничьей. Отстраненное от власти КПССовское партчиновничество быстро наверстало упущенное, кардинально

изменив социальное лицо многопартийности - со всеми вытекающими отсюда последствиями. Главное же из этих последствий состоит в том, что чиновник "партиен" только до тех пор, пока он не пришел к власти — когда же это происходит, партия-"трамплин" из союзника превращается в конкурента, и чиновник совершенно не заинтересован в формировании полноценной партийной системы.

3. Избирательные кампании 1993-1997 гг.: деморализация интеллигенции, превращение правящей бюрократии в самодовлеющую силу ("партию власти"), выход на политическую сцену люмпенов

Борьба между двумя отрядами российского чиновничества, определявшая основные контуры политической жизни страны в период между январем 1992 г. и октябрём 1993 г., в конце концов закончилась победой сторонников президентской республики. Данная модель государственного устройства, закреплённая в Конституции 1993 г., предусматривала доминирующую роль исполнительной власти в системе управления страной. Формирование исполнительной вертикали оказалось практически вне контроля представительной власти. На долю последней остались только законодательные функции, а возможность влиять (точнее, оказывать давление) на правительство появлялась разве что в моменты принятия бюджета и утверждения кандидатуры председателя правительства. Впрочем, имелась также возможность выражения вотума недоверия кабинету.

Замечание Г.Голосова о негативном воздействии президентализма на развитие российской партийной системы (12, с.83) нуждается в уточнении: и сам "конституционный дизайн" современной России, и недостаточная развитость института многопартийности являются лишь следствием более фундаментальной причины - абсолютного доминирования чиновничества в политической элите страны, обусловленного, в свою очередь, патерналистской ориентацией подавляющего большинства российского населения. Можно сказать больше: президентализм определенным образом может компенсировать отсутствие в стране партийной системы, обеспечивая единство системы управления в условиях, когда и общество в целом, и политическая элита в

частности разобщены и дезориентированы. Сам по себе институт президентства вряд ли стоит рассматривать как нечто антагонистичное партийной системе. Об этом говорит не только мировой, но отчасти и российский опыт.

О некоторой заинтересованности исполнительной власти в становлении партийной системы говорит следующий факт. Еще 18 ноября 1991 г. президент Б.Ельцин подписал с представителями ряда демократических партий и движений (РПРФ, ДПР, НПСР, СДПР, РХДД, НПР, КПП, КДП-ПНС) протокол о намерениях. В соответствии с этим документом, обе стороны обязывались "Предпринимать согласованные действия, направленные на формирование политики реформ, мобилизацию гражданской поддержки коренной экономической реформы"*.

Впоследствии представители партий неоднократно обвиняли президента в невыполнении взятых на себя обязательств - в частности, касающихся проведения регулярных консультаций и учета рекомендаций по кадровым вопросам. Но справедливости ради следует признать, что и партии не смогли выполнить свои обязательства, пусть и не оговоренные прямо, но воспринимавшиеся как сами собой разумеющиеся. А именно — обеспечить парламентскую поддержку курса реформ. На это у демократических партий просто не хватило сил.

Принятие избирательного закона, предусматривающего элементы пропорциональной системы, также следует признать заслугой в основном президентской власти. Хотя данный законопроект разрабатывался еще в недрах Верховного Совета РФ, однако, судя по опыту большинства республик бывшего СССР, крайне сомнительно, что советская бюрократия дала бы ему ход (см., в частности, 4, с.48-49). Да, исполнительная власть рассчитывала при этом сформировать лояльный себе парламент, а то, что пропорциональная система - оружие обоюдоострое и может усилить не только союзников, но и оппонентов, выяснилось уже потом. Но это совсем другой вопрос. Поэтому довольно странным выглядит упрек Т.Шмачковой, обвинившей властную элиту в том, что введением в избирательный закон элементов пропорциональной системы она искусственно затянула "обращение квазипартийных образований в полноценные партии современного типа" (20, с.29).

* База данных "ПартАрхив" - <http://www.indem.ru>.

Вся "вина" бюрократической элиты (от которой вообще-то нелепо требовать, чтобы она своими же руками надевала себе на шею хомут в виде партийной системы) в данном случае заключалась только в том, что она создала партиям льготные условия для участия в формировании политического лица российского парламента. В том, что это не привело автоматически к становлению полноценной партийной системы, ее вины нет. До партийной системы не дозрело само общество, и голосование значительной части избирателей за многочисленные "квазипартийные образования" - лишнее тому подтверждение.

Наконец, в период подготовки к выборам в Госдуму первого созыва президентская власть приложила немало усилий к тому, чтобы обеспечить победу объединению, казавшемуся ей оптимальным кандидатом на роль правящей партии. Речь идет о блоке "Выбор России". По мнению Г.Голосова, во время данной кампании Б.Ельцин взял на себя роль "стоящего над схваткой", тогда как открытый призыв с его стороны голосовать за какую-то из "демократических партий" "не только увеличил бы долю поданных за нее голосов, но и прямо предотвратил бы участие в выборах некоторых эфемерных объединений" (12, с.77). Однако в действительности поддержка, оказанная Б.Ельциным и его администрацией "Выбору России", была настолько очевидной, что не нуждалась ни в каких дополнительных комментариях. Блок поддерживали фактически все губернаторы, назначенные на свои посты лично президентом; лидеры ВР пользовались режимом максимального благопритствования на государственных телеканалах и т.п. (см., в частности, 6, с.26-27) Тот, кто в этих условиях не стал голосовать за "Выбор России", не внял бы и открытому призыву Б.Ельцина.

Искреннее желание видеть в "Выборе России" будущую правящую партию проявилось, в числе прочего, и в той легкости, с какой администрация президента уступила инициативу в формировании блока представителям интеллигентской общественности, в частности демократических партий. В руководство блока в центре и на местах вошли преимущественно активисты демдвижения и представители интеллигенции, известные своими либеральными взглядами, в то время как чиновники из структур исполнительной власти во вполне прагматическом духе предпочитали позаботиться об обеспечении себе места в федеральном списке

(7, с. 108). С точки зрения социального представительства "Выбор России" образца осени 1993 г. был союзом либеральной интеллигенции с "прогрессивной", т.е. активно обуржуазивающейся бюрократией, включавшей немало выходцев из среды той же самой интеллигенции. Причем ведущая роль в этом союзе принадлежала именно интеллигенции. Поэтому трудно согласиться с бытующими оценками "Выбора России" как первой "партии власти" (7, с. 108). Отличительной особенностью "партии власти" является как раз то, что она представляет собой объединение исключительно корпоративного, а не политического характера. "Строительным материалом" для нее могут быть только бюрократические кланы, реально контролирурующие властные рычаги. Представителям каких-либо других классов и групп в "партии власти" места нет - они могут подвизаться в ней только в личном качестве, но не как адвокаты классовых интересов. "Выбор России" же включал представителей не только бюрократии, но и интеллигенции, причем последним в руководстве блока принадлежали ведущие позиции.

В борьбе за более или менее либерально настроенный электорат "Выбору России" пришлось состязаться с блоком "Явлинский - Болдырев - Лукин" ("Яблоко"), Партией российского единства и согласия и Российским движением демократических реформ.

"Яблоко" опиралось на ту часть интеллигенции, которая в результате реформ более потеряла, чем приобрела, но при этом не утратила преданности идеалам либерализма и социальной демократии. Эта часть интеллигенции в полном соответствии с идеократическими установками верила в то, что успех реформ зависит в первую очередь от правильности или неправильности плана преобразований. Кроме того, она отвергала возможность союза с правящим отрядом бюрократии, считая этот союз одной из основных причин отказа от последовательного воплощения в жизнь принципов либеральной реформы.

ПРЕС и РДДР представляли слой бюрократии достаточно обуржуазившейся, но при этом считавшей, что либеральные реформы себя исчерпали, и по этой причине отвергавшей союз с либеральной интеллигенцией. Любопытно, что те главы региональных администраций, которые были на свои посты избраны, а не назначены президентом, поддерживали именно ПРЕС и РДДР, а не "Выбор России".

Как видим, даже объединения, претендовавшие на симпатии либерально настроенных избирателей, нередко старались опереться не столько на интеллигенцию, сколько на бюрократию. Что уж говорить о партиях, которые ориентировались на откровенно патерналистски настроенный электорат. Вытесненные из госаппарата или из его высших эшелонов чиновники составили социальную базу таких объединений, как КПРФ (в основном бывшие функционеры КПСС среднего и низшего звена), Аграрная партия России (управленческое звено АПК), Демократическая партия России (союз разочаровавшейся в либерализме интеллигенции с чиновничеством "первого демократического призыва", в борьбе между президентом и парламентом поставившим не на ту карту), "Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса" (директорат, по своему социальному облику более близкий не к предпринимателям, а к советской хозяйственной бюрократии) и т.д. Вместе с тем и объединения, основанные по принципу "простого представительства" - "Женщины России" (выступавшие в качестве представителей интересов женской части населения) и "Будущее России - Новые имена" (пытавшееся разыграть молодежную карту), - несли явные признаки бюрократического происхождения.

Выборы в Госдуму 1993 г. принесли немало сюрпризов, самыми ошеломительными из которых стали фактическое поражение либеральной интеллигенции и грандиозный успех ЛДПР, которую до 12 декабря 1993 г. никто всерьез не воспринимал. Однако главным, и к тому же мало кем отмеченным*, итогом этих выборов следует считать то, что они воспроизвели в новом российском парламенте то же самое доминирование чиновничества, какое ранее наблюдалось на Съезде народных депутатов РФ. Подавляющее большинство депутатских объединений, созданных в Госдуме первого созыва, — независимо от их идейной ориентации — представляли те или иные отряды российской бюрократии. Это касалось как ПРЕС (в разное время - от 15 до 30 депутатов) и примерно половины "Выбора России" (36 человек, вышедших из фракции в конце 1994 г.), так и КПРФ (45), АПР (55), "Женщин России" (21-23), депутатской

* Одной из немногих попыток проследить связь между фракционной структурой Госдумы и социальным обликом депутатского корпуса можно считать статью О.Вите (3). Но и там речь шла не столько о представительстве интересов, сколько непосредственно о социальном составе тех или иных фракций и групп.

группы "Новая региональная политика" (50-67), отчасти ДПР (9-15). Позже к их числу за счет перераспределения депутатов из других фракций и групп добавились "Стабильность" (35), "Россия" (35), "Дума-96" (12). В целом же представители тех или иных отрядов бюрократии составляли около двух третей депутатского корпуса Госдумы первого созыва. Интеллигентскими в своей основе были "Яблоко" (27), "Либерально-демократический союз 12 декабря" (12-39), часть "Выбора России" (40 человек, оставшихся после произошедшего в конце 1994 г. раскола) - в совокупности не более 20% состава Госдумы. Люмпенский подход к проблемам общества и государства представляла фракция ЛДПР (59-64), конкуренцию которой безуспешно пытались составить такая же люмпенская "Держава" (5) и люмпеноидный "Российский путь" (9-13), - в целом 14-15% депутатского корпуса.

Представленная картина способна несколько подкорректировать классификацию депутатских объединений, производимую исключительно по идеологическому принципу. С точки зрения социального Представительства вряд ли правомерно объединять в одну группу такие политические силы, как "Выбор России" и "Яблоко", с одной стороны, и ПРЕС, РДДР, НДР - с другой, как это делает Г.Голосов, относящий все указанные партии и движения к лагерю "правых" (7, с.108-110, 114-116). Ведь то, что для интеллигентов является "символом веры", для бюрократии - всего лишь удобная формула, позволяющая обосновывать притязания на завоевание и удержание власти. Поэтому-то либерализм чиновничьих объединений, как правило, крайне непоследователен и практически сходит на нет, как только дело доходит до необходимости пожертвовать ради Принципов чем-то конкретным. В связи с этим правильнее, наверное, было бы отнести такие объединения как ПРЕС и НДР не к "правому" флангу, а к "центру".

Главный же вывод из вышесказанного таков. Конечно же, от того, по какой системе избираются депутаты - мажоритарной или смешанной, связанной или несвязанной, - зависят многие нюансы расстановки политических сил в парламенте (подробней об этом см. в статье Г.Голосова и Н.Яргомской - 11), однако на макроуровне - уровне социального представительства - ситуации это коренным образом не меняет. Социальный облик политической элиты поддается дирижированию еще меньше, чем ее партийное лицо. Если

чего исполнительная власть и добилась утверждением элементов пропорциональной системы, то отнюдь не создания правящей партии, опирающейся на союз либеральной интеллигенции с "прогрессивным" чиновничеством, а легитимизации присутствия в большой политике откровенных люмпенов в лице ЛДПР - партии, которая без голосования по партийным спискам не получила бы и десятой доли доставшихся ей мест. Таким образом, введение пропорциональной системы если как-то и повлияло на качество российской политической элиты, то не в сторону его улучшения, а скорее наоборот. Следует, правда, отметить, что выход на политическую сцену люмпенов не только не ослабил, но, напротив, усилил позиции бюрократии. На их фоне любой чиновник выглядел образцом бескорыстности и альтруизма. Интересно, в частности, что после триумфа ЛДПР на думских выборах как-то сами собой утихли разговоры о целесообразности проведения в июне 1994 г. досрочных президентских выборов, обещанных Б.Ельциным в период вооруженного противостояния с Верховным Советом. Перспектива люмпенской экспансии отрезвила даже самых яростных противников Б.Ельцина и тем самым привела различные слои бюрократии к неафишируемому согласию относительно основ государственного устройства, легитимизированного новой Конституцией. Успех ЛДПР показал, что в борьбе за патерналистски ориентированный электорат у чиновничества появился достаточно серьезный противник, не отягощенный ничем, даже отдаленно напоминающим ответственность за свои слова и действия. Перед угрозой победы этого противника различные отряды бюрократии моментально вспомнили о давно забытой корпоративной солидарности.

Результаты избирательной кампании 1993 г. серьезно повлияли на линию поведения правящего отряда российской бюрократии. Исполнительная власть отказалась, во-первых, от союза с либеральной интеллигенцией, а во-вторых, от планов строительства партийной системы. Первое выразилось в вытеснении из правительства приверженцев реформаторского курса (в первую очередь Е.Гайдара) и в общем охлаждении к реформам как таковым. Второе - в переходе от попыток добиться формирования в Госдуме политического большинства к налаживанию контактов с депутатским корпусом на корпоративной основе. Таким образом, вместо формирования правящей партии началось построение "партии

власти" как объединения бюрократических кланов, контролирующих рычаги управления различными сторонами жизни общества*.

Сплочение в рамках "партии власти" позволило правящему отряду бюрократии управлять страной не прибегая к опоре на парламент. Напротив, раздробленность политических сил, представленных в Госдуме, и отсутствие ярко выраженного парламентского большинства были "партии власти" только на руку, поскольку, с одной стороны, расширяли поле маневра, а с другой — позволяли оправдать бездействие в осуществлении жизненно необходимых преобразований. Главным средством взаимодействия с таким парламентом стало не достижение политических соглашений, а лоббистские по своей сути "иерархические торги". Ко второму году работы Госдумы первого созыва исполнительная власть настолько освоила метод закулисного торга, что уже могла по собственному усмотрению разваливать одни депутатские объединения и на их основе создавать новые. Так появились, в частности, депутатские группы "Стабильность" и "Россия".

Оба процесса — разрыв с интеллигенцией и формирование "партии власти" - получили завершение к концу 1994 г., т.е. к моменту ввода в Чечню федеральных войск, когда исполнительная власть окончательно дала понять, что не намерена больше обращаться за одобрением своих шагов к интеллигентской общественности. Произошедший в результате этого "развод" "прогрессивной" бюрократии и либеральной интеллигенции формально выразился в расколе думской фракции "Выбор России", из которой вышла едва ли не половина членов, и формировании "партией власти" собственного политического представительства в лице сначала депутатской группы "Стабильность", а затем движения "Наш дом - Россия"**. Под флагом НДР "партия власти" и выступила на парламентских выборах 1995 г.

* О начальных этапах процесса формирования "партии власти" в регионах см. статью Д.Бадковского (1).

** НДР, как прежде "Выбору России", тоже очень часто присваивали имя "партии власти". На самом деле это был лишь послушный инструмент в руках настоящей "партии власти". Его появление на свет было вызвано исключительно спецификой избирательного законодательства. Не будь выборов по партийным спискам, у "партии власти" не было бы никакой нужды в создании как НДР, так и любой другой "формальной" организации.

Формирование "партии власти", помимо создания механизма, позволявшего исполнительной власти компенсировать отсутствие парламентской поддержки, несколько продвинуло становление партийной системы - появился своеобразный суррогат правящей партии. Ответной реакцией стала определенная консолидация тех слоев чиновничества, которые остались "за бортом" госаппарата. Ранее отряды бюрократии, составлявшие в доавгустовский период костяк сети парткомов КПСС, а между августом 1991 и октябрём

1993 г. — системы Советов, находились в раздробленном и деморализованном состоянии. Во многом эта раздробленность и деморализация подпитывалась надеждой аутсайдеров на скорую интеграцию в систему властных органов. Однако когда формирование "партии власти" завершилось и все места в ней были заняты, стало ясно, что для возвращения во власть следует искать другой путь. В качестве основного такого пути в начале 1995 г. рассматривалось вступление в КПрФ - наиболее зрелое в организационном плане объединение оказавшегося не у дел партийного и советского чиновничества. В стране, таким образом, начали складываться основы "псевдодвухпартийной" системы, одним из полюсов которой являлась "партия власти", а другим — Коммунистическая партия Российской Федерации. При старте парламентской кампании 1995 г. это, правда, еще не было столь очевидным.

В весьма незавидном положении к началу парламентской кампании 1995 г. оказалась интеллигенция. После "развода" с "партией власти" та ее часть, которая традиционно жертвовала своим рейтингом ради хоть минимального продвижения по пути либеральных реформ, обнаружила себя в положении изгоя, с которым никто не желает иметь дела. Созданная на базе фракции "Выбор России" (вернее, ее фрагментов, оставшихся после раскола в декабре 1994 г.) партия "Демократический выбор России" во главе с Е.Гайдаром смогла привлечь в создаваемый ею блок "ДВР -Объединенные демократы" только незначительную часть имевшихся на тот момент в стране организаций либерального толка. Остальные искали контакты с "Яблоком", построившим свой имидж на критике "ошибочного курса реформ". Однако сторонники Г.Явлинского, уже тогда склонные к изоляционизму, предпочли не отягощать себя балластом и выступили отдельным списком, что только усугубило разброд и шатания среди либеральной интеллигенции. В итоге в

выборах приняло участие около десяти объединений либерально-демократической ориентации.

Результаты голосования 17 декабря 1995 г. показали, что значительный разброд царил и в головах избирателей. Около половины из них отдали голоса объединениям и блокам, не сумевшим преодолеть 5%-ный барьер. Тем не менее, общая расстановка сил, сложившаяся в Госдуме второго созыва, достаточно адекватно отразила картину симпатий российского электората. Значительно усилила свои позиции бюрократия партийно-советского образца. Существенно уменьшилось представительство интеллигенции, но то же самое можно сказать и о люмпенах и люмпеноидах, получивших вдвое меньше голосов, чем на предыдущих выборах. Борьба за оставшееся депутатское "болото" с разгромным счетом выиграла КПРФ со своими союзниками. Это позволило ей фактически взять под контроль нижнюю палату российского парламента.

Таким образом, между обуржуазившимся чиновничеством, представленным "партией власти", и бюрократией партийно-советского образца к началу 1996 г. установилось своего рода равновесие. Первое контролировало исполнительную власть, вторая, в значительной степени, — законодательную. В.Павленко называет сложившуюся на тот момент расстановку сил "неким подобием двухпартийной системы" (16, с.83). Но в том-то и дело, что это было лишь подобие; правильнее всего определить его как "псевдодвухпартийная система". В нормальной партийной системе исполнительную власть формирует именно правящая партия. Сложившаяся же к началу 1996 г. "двухпартийная система", как справедливо отмечает В.Павленко, отличалась "во многом неформальным (неофициальным) характером, внутренней организационной и идейно-политической раздробленностью ее субъектов, а также их жесткой привязанностью к "институциональному фактору" - тем или иным государственным институтам и органам власти" (16, с.83). То есть те силы, которые контролировали исполнительную власть, не были оформлены в партию и имели очень слабое представительство в парламенте, а те, что контролировали парламент, хотя и приняли вид некой партийной коалиции, зато были полностью отстранены от выработки правительственного курса.

Дело здесь, как представляется, не только и не столько в "конституционном дизайне", дающем весьма обширные полномочия президенту и достаточно ограниченные - парламенту. "Левое" думское большинство, смотревшее на мир глазами партийно-советской номенклатуры, не особенно было заинтересовано в изменении самого механизма формирования исполнительной власти. В первую очередь оно желало контролировать систему исполнительной власти - но в том виде, в каком она есть, без изменений. Как управлять страной, не имея подобного аппарата, бюрократия партийно-советского образца представить себе не могла. К тому же овладеть этим аппаратом было вполне реально - для этого надо было победить на предстоящих в июне 1996 г. президентских выборах.

Таким образом, на очередных выборах главы государства друг другу противостояли, как и пять лет назад, представители двух отрядов бюрократии - "новой" российской, в значительной степени обуржуазившейся, и "старой", партийно-советской, выступавшей (во всяком случае, на словах) за реставрацию отдельных элементов дореформенного уклада жизни. Как и прежде, первый пользовался поддержкой интеллигенции, второй - люмпенов и люмпеноидов. Это, в частности, выразилось в создании двух крупных коалиций: Общероссийского движения общественной поддержки Б.Ельцина, в котором собралось подавляющее большинство организаций либерально-демократической и центристской ориентации, и Блока народно-патриотических сил в поддержку Г.Зюганова, сплотившего практически весь антилиберальный фланг. И так же, как и в прошлый раз, патерналистски настроенный электорат отдал предпочтение представителю "новой" бюрократии. Правда, если в 1991 г. победа ни одного из кандидатов не привела бы к формированию в России правящей партии, а следовательно, и партийной системы, то в 1996 г. такая возможность была вполне реальной. В случае победы Г.Зюганова Компартия РФ автоматически стала бы правящей партией - по американскому образцу, когда правительство формируется не парламентом, а новоизбранным президентом, - и можно было бы констатировать начало существования полноценной партийной системы. При этом в 1996 г., в отличие от 1991 г., вероятность такого варианта развития событий была весьма и весьма высокой, поскольку оба кандидата шли

практически ноздря в ноздю, и только на самом финише представитель "партии власти" сумел обставить соперника.

Относительное равенство сил сохранялось и в ходе серии региональных выборов, пришедшихся на осень 1996 - начало 1997 г. Бюрократия партийно-советского образца значительно укрепила свои позиции в ходе избирательных кампаний 1996-1997 гг., но что она сделала, чтобы изменить систему формирования исполнительной власти? Нелестных слов в адрес действующей Конституции было сказано немало, однако дальше слов никогда не шло. Напротив, в августе 1996 г. левое думское большинство утвердило кандидата от "партии власти" на посту премьер-министра, а затем год за годом принимало предложенный правительством бюджет, добиваясь при этом внесения в его расходную часть множества поправок откровенно лоббистского характера. Так ли оно вело бы себя, если бы действительно хотело пересмотреть порядок формирования Правительства? Отнюдь. У него имелась масса возможностей устраивать один парламентский кризис за другим, добиваясь назначения как минимум компромиссного кандидата. Но ждать подобного поведения от чиновничества было просто нелепо. Когда у той или иной части бюрократии нет возможности контролировать всю исполнительную вертикаль снизу доверху, она лучше будет ждать, когда такая возможность представится, а в ожидании получать некую "ренту". К этому, в общем-то, и сводилась суть "Псевдодвухпартийной" системы, сложившейся в результате избирательных кампаний 1995-1997 гг. КПРФ наравне с "партией власти" выступала гарантом правил игры, в которой победитель получает все. Платой КПРФ и ее союзникам были уступки корпоративно-лоббистского характера (налоговые льготы и бюджетные субсидии конкретным субъектам хозяйственной жизни и т.п.). Пока "партия власти" выполняла эти условия, партийно-советская бюрократия была готова терпеливо ждать своего часа.

Механизм "партии власти" вовсе не был приспособлен для решения содержательных проблем, стоящих перед государством и обществом. Он прекрасно срабатывает, когда речь идет о перераспределении ресурсов между различными корпоративными кланами, и откровенно буксует, когда становится насущной необходимость ограничения аппетитов этих кланов. Все это стало очевидным, когда Б.Ельцин решил оптимизировать деятельность правительства путем введения в него так называемых "молодых

реформаторов", которым удалось осуществить только ряд мер "пожарного" характера. Когда же "молодые реформаторы" попытались приступить к сколько-нибудь серьезным структурным изменениям в деятельности кабинета и проведению необходимых реформ, их моментально "съели" объединившие для этого усилия "партия власти", богатеющие благодаря ее поддержке "олигархи" и "народно-патриотическая" оппозиция.

Тем временем экономическое положение России было серьезно поколеблено падением мировых цен на энергоресурсы и последствиями азиатского финансового кризиса. Страна уверенно приближалась к дефолту. В попытке избежать этого Б.Ельцин предпринял шаг, отдающий не столько смелостью, сколько отчаянием. Неожиданно для всех сменив премьер-министра, он обезглавил, а следовательно, и развалил федеральную "партию власти", а заодно уничтожил и "псевдодвухпартийную" систему, обеспечивавшую стране определенную политическую стабильность. С точки зрения рационально-технологической решение Б.Ельцина при тогдашней расстановке социально-политических сил было обречено на неудачу. Те меры, осуществить которые было призвано правительство С.Кириенко, не были приняты раньше не потому, что об их необходимости никто не догадывался, а потому, что они требовали соответствующей социально-политической поддержки. Формирование правительства "технократов" не только никак не решало этой проблемы, но, напротив, усугубляло ее. Кабинет С.Кириенко, в отличие от кабинета В.Черномырдина, не имел вообще никакой опоры, кроме личной поддержки Б.Ельцина. Но и сам президент должен был на кого-то опираться. До марта 1998 г. у него была "партия власти", после марта 1998 г. он остался один на один с парламентом, ко всему прочему обозлившимся на него за "выкручивание рук" при "продавливании" кандидатуры С.Кириенко.

В итоге ни одна из задач, поставленных перед новым правительством, выполнена не была. Президент, взваливший на себя всю полноту ответственности за действия правительства С.Кириенко, под дружным натиском Думы отступил по всем фронтам, а парламент в сентябре 1999 г., впервые за свою историю, добился утверждения премьер-министра, опирающегося на думское большинство. Это могло бы стать существенным шагом на пути к формированию полноценной партийной системы, однако в конкретных российских условиях все упиралось в то, что ни одна из политических сил,

представленных в Государственной думе, не говоря уже о парламентском большинстве, не желала отвечать за действия правительства Е.Примакова. Можно сколько угодно говорить о несовершенстве Конституции и недостатке полномочий у органов представительной власти, однако никакие юридические нормы не способны компенсировать отсутствие политической воли и готовности пожертвовать своим рейтингом ради интересов дела. В конце концов все довольно быстро вернулось на свои места. Уже в мае 1999 г. президент достаточно легко добился замены премьер-министра на собственную креатуру, а в августе сделал это еще раз, подтвердив свое право на формирование курса исполнительной власти.

4. Избирательная кампания 1999 г. и развитие многопартийности

Парламентская кампания 1999 г., вопреки предшествующим ожиданиям, разворачивалась в условиях заметного ослабления социальной напряженности. Вместо предполагаемой люмпенизации значительных масс населения налицо было достижение определенной общественной стабильности. Все это существенно повлияло на расстановку социально-политических сил.

Правящий слой бюрократии еще осенью 1998 г. начал восстановление "партии власти", причем в условиях ухода на второй план президента и его команды инициатором этого процесса выступила не федеральная власть, а руководители регионов. Уже в декабре была учреждена и зарегистрирована Общероссийская политическая общественная организация "Отечество" (лидер - московский мэр Юрий Лужков). С конца января 1999 г. параллельно стали выкристаллизовываться новые центры консолидации регионального начальства - "Голос России" и "Вся Россия".

По одному алгоритму развивались все созданные в конце 1998 - начале 1999 г. "губернаторские блоки". Поначалу интерес к ним проявляли от четверти до трети региональных лидеров, однако, по мере определения круга фаворитов у всех оставшихся не у дел, этот интерес угасал, и блоки из общероссийских превращались, по сути, в межрегиональные. В итоге созданные объединения вынуждены были искать союза друг с другом, вновь привлекая к себе сторонников и вновь теряя их после очередного формирования касты "губернаторов"

первого сорта". В ходе этих перипетий из борьбы, в частности, выбыл "Голос России", превратившийся в партию одного губернатора - самарца К.Титова - и вступивший после этого в коалицию с либералами из "Правого дела". "Отечество" же и "Вся Россия" в августе 1999 г. слились в единый избирательный блок, найдя себе нового лидера — отставленного с поста премьер-министра Евгения Примакова.

В тот самый момент, когда процесс бюрократического блокостроительства казался уже завершенным, к активной политической деятельности неожиданно вернулась федеральная администрация, сумевшая за считанные дни буквально из ничего сложить "НДР № 2" - блок "Межрегиональное движение "Единство"" ("Медведь"), которому присягнули на верность губернаторы ряда дотационных регионов, не нашедшие себе место ни в одном из "губернаторских блоков". Подобный поворот событий стал возможным благодаря восстановлению президентской властью значительной части утраченного политического влияния. Перехватив инициативу, она смогла наконец-то непосредственно включиться в процесс подготовки к выборам, делая при этом ставку на свежую для российской политики фигуру В. Путина. Ни для кого не являлось секретом, что блок "Медведь", руководить которым был поставлен министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу, должен ассоциироваться прежде всего с новым председателем правительства, с первых дней своего премьерства сумевшим зарекомендовать себя жестким управленцем. Таким образом, у передового отряда региональной бюрократии, объединившегося под знаменами "Отечества - Всей России", неожиданно появился мощный конкурент, действующий на одном с ОВР участке электорального поля.

В либеральной части политического спектра стабилизация общественной жизни привела к укреплению социальной базы такой организации, как Союз правых сил. К концу 1998 г. стало окончательно ясно, что судьба либерализма в России напрямую связана с тем, насколько успешным будет привлечение к участию в политической жизни страны предпринимателей — потенциально мощной социальной группы, но в российском политическом процессе еще не задействованной. Удар, нанесенный по российскому бизнесу августовским финансовым кризисом 1998 г., не только заставил буржуазию мобилизовать свои ресурсы, но и убедил многих

предпринимателей в том, что политика - отнюдь не пустая говорильня, и ее игнорирование приводит к самым неприятным сюрпризам.

Позже всех изменение общественной атмосферы осознали на антилиберальном фланге. КПРФ, осенью 1998 г. призвавшая своих союзников по НПСР пойти на выборы "тремя колоннами" ("коммунисты, аграрии, патриоты" или "коммунисты, патриоты просвещенные, патриоты радикальные") изменила свою позицию только в июне-июле, когда стало ясно, что ставка на всеобщую люмпенизацию не оправдалась. В итоге было объявлено о создании "широкого" блока "За Победу!" (в действительности речь шла о включении представителей иных партий в федеральный список КПРФ, причем право решать, кого и куда в нем поместить, коммунисты оставляли за собой). Однако изменение общественных настроений союзники КПРФ почувствовали не хуже лидеров Компартии. "Духовное наследие" к этому времени налаживало контакты с "Отечеством", а АПР вообще удалось стать одним из учредителей ОВР.

Обстановка же в национал-патриотическом поле напоминала ситуацию осени 1995 г. в либерально-демократическом лагере. На данном участке электорального поля сконцентрировалось не менее полутора десятка претендентов. В силу люмпеноидной сущности подавляющее большинство этих объединений не могло ни сколько-нибудь адекватно воспринять изменение общественной ситуации, ни объединиться ради достижения общей цели.

В итоге на финишную прямую избирательной кампании вышли 26 избирательных объединений и блоков, однако, реальными претендентами на преодоление 5%-ного барьера были только шесть. Причем сохранить в неприкосновенности ранее застолбленный участок электорального поля удалось лишь КПРФ. Остальные лидеры избирательной кампании "своими" участками электорального поля овладевали в ожесточенной конкурентной борьбе: "Медведь" - с ОВР, Союз правых сил - с "Яблоком", ЛДПР (точнее, в экстренном порядке сменивший ее "Блок Жириновского") - с прочими претендентами на симпатии люмпенизированного избирателя.

Голосование 19 декабря 1999 г. внесло существенные изменения в расстановку политических сил. Любопытно, что из неудачников к заветной 5%-ной планке, в отличие от предыдущей

кампании, сколько-нибудь близко не сумел подойти никто. 18 участников выборов получили менее 2% голосов каждый. Само по себе это обстоятельство - принимая во внимание норму избирательного закона, обязывающую объединения, набравшие менее 2% голосов, компенсировать расходы за бесплатно предоставленное государством эфирное время, — способно сыграть благоприятную роль в создании предпосылок для формирования партийной системы - уже тем, что отсечет маргиналов, считающих своим долгом участвовать во всех выборах. Среди важных изменений необходимо отметить уменьшение числа "потерянных голосов", отданных за объединения-аутсайдеры, что свидетельствует о том, что российский избиратель начал приобретать кое-какие навыки в распознавании и отсеивании мало-мальски значимых партийных величин от мнимых.

С политической точки зрения ситуация в российском парламенте, безусловно, изменилась. Откровенные антиреформисты в лице КПрФ и ее союзников потеряли даже относительное большинство. В целом Госдума стала гораздо более центристской. "Партия власти" получила такое представительство, каким не обладала ранее никогда: фракция "Единство" и созданная не без участия президентской администрации группа "Народный депутат" получили едва ли не треть голосов. Кроме того, в Госдуме наконец-то, после четырех лет перерыва, появилось представительство "классических" либералов в лице Союза правых сил. "Жириновцы", представленные в новой Думе куда более скудно, чем в прошлой, окончательно перестали быть силой, во-первых, сколько-нибудь оппозиционной "партии власти", а во-вторых, что-либо решающей.

Если же рассмотреть состав депутатского корпуса с точки зрения социального представительства, легко обнаружить, что особых изменений в общем-то не произошло. Доминирующие позиции по-прежнему остались за разными отрядами чиновничества партийно-советского образца (КПрФ + Аграрно-промышленная депутатская группа = 90 + 39), федеральной "партии власти" ("Единство" + "Народный депутат" = 82 + 59), "партии власти" региональных (ОВР + "Регионы России" = 45 + 41). Итого - 356 мандатов (79%). Единственным существенным отличием от прежней Госдумы стало заметное уменьшение представительства люмпенов в лице ЛДПР (17 мандатов = менее 4%), да появление представительства

буржуазной интеллигенции и интеллигентной буржуазии в лице СПС (32 места = чуть больше 7%).

Однако зададимся вопросом: насколько смена состава парламента способствовала формированию партийной системы? Приходится признать, что не особенно. Прежде всего, в новой Госдуме никакого сколько-нибудь внятного большинства создано быть не может. "Партия власти" при всех усилиях надежно контролирует лишь треть депутатских мандатов. Впрочем, будь их даже больше половины - с тем содержанием, которым наполнены фракция "Единство" и группа "Народный депутат", формирование даже отдаленного подобия правящей партии - вещь в принципе невозможная.

Следует отметить, что с каждой новой Думой качественный состав парламентского представительства исполнительной власти, на наш взгляд, только ухудшается. Как отмечалось рядом наблюдателей, качественным составом и "Единство", и "Народный депутат" больше напоминают фракцию ЛДПР образца 1994-1995 гг., нежели представительство респектабельного чиновничества. Во многом это плата за "виртуальность" "Медведя" и политическую неразборчивость при создании НД. Уровень своей политической культуры "Единство" и "Народный депутат" продемонстрировали очень быстро. Столкнувшись при формировании пакетного соглашения о распределении руководящих постов в Госдуме с неизбежными трудностями, они легко достигли сепаратной договоренности с КПРФ, оттеснив на обочину думского процесса ОВР, СПС и "Яблоко". Представляя "Единство" и НД что-либо более серьезное с политической точки зрения, они не пошли бы на такой соблазнительный по легкости шаг (или не поддались бы на давление в этом направлении). Не пошли бы уже потому, что за конъюктурно-тактические выигрыши приходится дорого платить политически.

С точки зрения контроля над нижней палатой парламента соглашение "Единства" с КПРФ было шагом идеальным. Но его политические последствия таковы, что возможность складывания в Госдуме третьего созыва постоянного политического большинства уменьшилась даже по сравнению с предыдущей Думой. Там это большинство время от времени образовывалось хотя бы на тактической основе, здесь же такой основой может быть только конъюнктура - "левое" или "правое" большинство, скорее всего,

будет сиюминутным и хорошо управляемым из Кремля. Это еще дальше отодвигает страну от формирования партийной системы, а следовательно, и от создания механизма общественного контроля над выработкой государственной политики.

Не приблизили складывание партийной системы и прошедшие президентские выборы. Их победитель вновь не принадлежит ни к какой политической партии, а является выдвинутым "партии власти". Причем если на выборах 1996 г. вероятность того, что победу одержит партийный кандидат, была достаточно велика, то сейчас она изначально была равна нулю.

Таким образом, отсутствие в современной России партийной системы обусловлено абсолютным преобладанием в политической элите представителей бюрократии - класса, способного добиваться своего без всяких партийных структур и потому не заинтересованного в их полноценном развитии. С другой стороны, достаточно развитая многопартийность в немалой степени обязана своим существованием отсутствию единства в рядах российского чиновничества, неспособности какого-то одного из его отрядов навязать свою волю всем остальным и связанной с этим необходимостью постоянно апеллировать к другим общественным группам. Многопартийность уже успела стать необходимым инструментом в борьбе разных слоев бюрократии за власть. Сброшенным с властных высот она служит своего рода плацдармом для перегруппировки сил перед очередным раундом схватки за контроль над государственным аппаратом (яркий пример - КПРФ). Для рвущихся к власти партии играют роль трамплина, позволяющего скакнуть для начала в парламент. Таким образом, даже в условиях доминирования чиновничества многопартийность стала одним из полноправных механизмов мобилизации и воспроизводства политической элиты. Другое дело, что, заполучив в свои руки властные рычаги, бюрократия перестает быть заинтересованной в дальнейшем развитии партийных структур. Она, конечно, и в дальнейшем будет использовать их в своих целях, но именно использовать, а не поддерживать с ними равноправные отношения. И уж тем более она не станет рассматривать их в качестве главных субъектов политической жизни.

"Раскол" (cleavage) между теми, кто стремится к большей свободе - пусть даже ценой уменьшения социальных гарантий, и теми, кто требует больше гарантий - соглашаясь на ограничение

частной инициативы, присутствует не только в западном, но и в современном российском обществе. Однако обнаружить его исключительно путем изучения итогов парламентских выборов действительно трудно. Патерналистский электорат преобладает везде, но поскольку в некоторых местах - на селе, в городах, построенных вокруг предприятий ВПК, и т.п. - других избирателей почти совсем нет, то данный "раскол" принимает форму различий между результатами голосований в городских и сельских округах. Если же выйти за рамки исследования избирательных кампаний и обратиться хотя бы к изучению многопартийности, то этот "раскол" обнаруживается сразу - основное идейное противостояние в политической элите по-прежнему, как и в начале 90-х годов, проходит по линии "либералы - антилибералы". Все политические силы, хотя бы они того или нет, вынуждены встраиваться в названную дихотомию. И этот конфликт не придуман элитой, он навязан ей проблемами, стоящими перед обществом в целом.

На вопрос же, когда наконец в стране сложится партийная система, следует ответить примерно так: когда население перестанет своим голосованием обеспечивать доминирование в парламенте чиновничества. Правда, прежде должна серьезно измениться сама элита. На политическом поле у бюрократии должен появиться мощный конкурент.

Список литературы

1. Бадковский Д. В. Трансформация политической элиты в России - от "организации профессиональных революционеров" к "партии власти" // Полис. - М., 1994. - № 6. - С.42-58.
2. Бунин И.М., Капелюшников Р.И., Салмин А.М., Урнов М.Ю. Партии в социальной структуре посткоммунистической России // Политическая наука в России: (История, современность, модели будущего). - М.: ИНИОН РАН, 1994. - С.39-80.
3. Вите О.Т. "Центризм" в российской политике: (Расстановка сил в Государственной Думе и вне ее) // Полис. - М., 1994. - № 4 - С.29-36.
4. Гельман В.Я. Институциональный дизайн: "создавая правила игры" // Первый электоральный цикл в России (1993-1996) / Под ред. Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. - М.: Весь Мир, 2000. - С. 44-76.

5. Гельман В.Я. О становлении российской партийной системы и практиках политических коалиций // Полис. - М., 1997. - № 3. - С. 188-191.
6. Гельман В.Я., Елезаров В. "Учредительные выборы" в контексте российской трансформации // Первый электоральный цикл в России (1993-1996) - М.: Весь Мир, 2000. - С. 13-43.
7. Голосов Г.В. Политические партии и электоральная политика в 1993-1995 гг. // Первый электоральный цикл в России (1993-1996) - М.: Весь Мир, 2000. -С. 106-129.
8. Голосов Г.В. Происхождение современных российских политических партий, 1987-1993 // Первый электоральный цикл в России (1993-1996) - М.: Весь Мир, 2000. - С. 77-105.
9. Голосов Г.В. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // Полис. - М., 1998. - № 1. - С.106-129.
10. Голосов Г.В., Шевченко Ю.Д. Факторы электорального успеха в одномандатных округах // Первый электоральный цикл в России (1993-1996) - М.: Весь Мир, 2000. - С.130-151.
11. Голосов Г.В., Яргомская Н.Б. Избирательная система и межпартийная конкуренция на думских выборах // Первый электоральный цикл в России (1993-1996). - М.: Весь Мир, 2000. - С.152-176.
12. Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы. - М.: Весь мир, 1999. - 152с.
13. Козин М.И. Общественно-политические объединения и формирование политической элиты в России. - М.: Фонд содействия развития социальных и политических наук, 1998. - 173 с.
14. Коргунок Ю.Г. Современная российская многопартийность. - М.: Региональный общественный фонд ИНДЕМ, 1999. - 384с.
15. Краснов В.Н. Система многопартийности в современной России. - М.: "Обозреватель", 1995. - 318 с.
16. Павленко В.Б. Двухпартийная система: настоящее и будущее // Народ и власть. современные реалии и опыт истории: (Сб. материалов по материалам научной конференции, состоявшейся в МГПУ в апреле 1997 г.). - М., 1998. - С. 83-88.
17. Пшизова С.Н. Какую партийную систему воспримет наше общество? // Полит. исслед. - М., 1998. - № 4. -С.101-113.
18. Радкевич С.Б. Политические партии: общественная теория и российские проблемы. - М., 1997. - 242 с.

19. Шевченко Ю.Д. Подводя итоги: результаты российских выборов 1993-1996 гг. // Первый электоральный цикл в России (1993-1996) - М.: Весь мир, 2000. -С.212-241.
20. Шмачкова Т.В. Теории коалиций и становление российской многопартийности (методика рационализации политического процесса) // Полис. - М., 1998. -№ 5. - С.28-52.
21. Яргомская Н.Б. Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России // Полис, исслед. - М., 1999. - № 4. - С. 122-129.